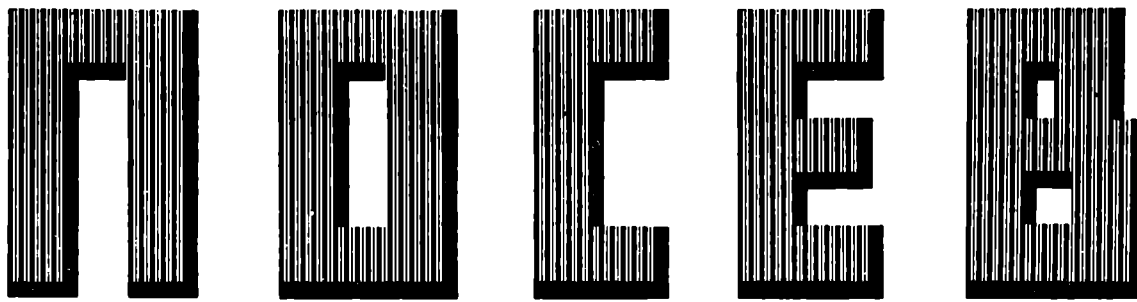

ГОД ИЗДАНИЯ XIX

№ 4 (871)

ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
 ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Jahrgang 19 - Nr. 4 (871)

Russische Wochenzeitung POSSEV-DIE AUSSAAT - 6 Frankfurt am Main 1, Postfach 2786

Freitag, 25. 1. 1963

♦ РОССИЙСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ составляют все, кто ставят своей целью революционное свержение коммунистической власти и идут к этой цели путем одиночной борьбы или организуются в кружки, группы, объединения. ♦ НТС — НАРОДНО-ТРУДОВОЙ СОЮЗ (русских солидаристов) обладает революционной идеологией и стратегией, ведет революционную борьбу и тем способствует росту и организованности российского революционного движения. ♦ «ПОСЕВ» отражает и развивает идеи солидаризма, борется за осуществление политических стремлений российского революционного движения и издается при активном содействии НТС.

КПСС в круговой обороне

ДВА МЕСЯЦА ОБОСТРЕННОЙ БОРЬБЫ НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ.
 ВЛАСТЬ ТЕРПИТ НОВОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Есть много мерок, которыми можно мерить отдельные этапы коммунистической власти в России, но, пожалуй, лучшая из них — мера борьбы народа о властью. Меряя этой мерой, последнее, послесталинское десятилетие отличается от всех других тем, что народ находится всё время в наступлении, а власть в обороне. Это не значит, что власть вообще потеряла способность наступать, не значит, что время от времени она не может переходить в решительные контратаки, а иногда и в развернутые контрнаступления.

Она может и переходит. Иногда добивается при этом даже тактических успехов. Но всё равно: это всегда лишь контратаки и контрнаступления. Их задачей является удержать ускользающую позицию или хотя временно отбить утраченную. Их основная цель — задержать общее наступление народа. Перейти в стратегическое наступление, занять новые, ей еще не принадлежавшие рубежи, идти вперед, судя по событиям последнего десятилетия, ей больше не дано!

Можно предположить, что власть это знает, ибо в свои контратаки она бросается не тогда, когда можно было бы рассчитывать на успех, а лишь тогда, когда вода подходит к горлу, когда видно, что всякое «промедление времени смерти безвозвратной подобно»...

Сказанное касается всех фронтов борьбы народа с властью, которые, кстати, все больше и больше переплетаются и объединяются в один общий фронт борьбы. Касается оно и фронта литературы и искусства, который за последние годы стал одним из важнейших участков этого общего фронта.

Не от хорошей жизни, а именно потому, что всякое промедление произошло еще большими неприятностями, и попытка власти 1 декабря 1962 года перейти в контратаку на фронте литературы и искусства. Упорные бои завязались сразу по всей линии. Их подробное описание читатель найдет на внутренних страницах этого номера еженедельника (Я. Трушнович: «Борьба за свободу творчества»).

Главные силы власти переходили в наступление три раза: 1 декабря, когда «руководители партии и правительства» посетили выставку московских художников; 17 декабря, когда была спешно созвана «встреча» «руководителей партии и правительства» с деятелями литературы и искусства; и 26 декабря, когда состоялось заседание «Идеологической комиссии при ЦК КПСС с участием молодых писателей, художников, композиторов, работников кино и театров».

В первом бою силами власти руководил сам Хрущев. Во втором он, по-видимому, тоже пытался вести наступление, но был разбит и передал руководство Ильичеву. В третьем с самого начала командовал Ильичев. Это не удивительно. Метод окрика, которым хотел выпрыгнуть сражение Хрущев, оказался абсолютно непригодным: страна уже полна слухов о том, как твердо, решительно, а иногда и нахально, отвечали ему те, кого он ругал.

Ильичев пошел иным путем. В первом из своих выступлений (17 декабря) он пошел по пути демонстрации правительственных сил и категорического приказа подчиниться, но уже не окрику, а уверенно изложенным указаниям. Он сказал, что «идея сосуществования

в области идеологии... предательство» и постарался показать, что с ее сторонниками власть будет бороться именно как с предателями. Он подкрепил свои слова новым определением коммунистической свободы: «У нас есть полная свобода борьбы за коммунизм. У нас нет и не может быть свободы борьбы против коммунизма».

Но за 9 дней, прошедших между двумя выступлениями Ильичева, ему пришлось удостовериться, что и этих упреков оказалось недостаточно: из настоящих противников никто не испугался и не отступил. Ему пришлось удостовериться, что резервов для продолжения наступления у него нет и, выступая со второй речью (26 декабря), он всецело перешел к обороне: вся его речь является полемикой с незримыми оппонентами. Она пестрит попытками нарушить ряды наступающего противника, разбить его на отдельные группы.

Одних он пытается привлечь на свою сторону дешевой лестью; других лживо хвалит только для того, чтобы подорвать их авторитет в народе; третьих мягко критикует, давая понять, что им легко вернуться в стан обласканных; наконец, четвертых, причем очень многих, он подвергает решительной критике.

Неслучайно, конечно, кроме речи Ильичева не опубликовано ни одного выступления на заседании Идеологической комиссии. Из-за этого, пока не дойдут неофициальные сведения, нельзя судить о том, как и кто выступал, кого Ильичев хвалил искренне, а кого для того, чтобы «угробить». И если поведение Евтушенко, например, в последнее время и позволяет предположить, что Ильичев хвалил его

искренне, то нег никаких оснований для того, чтобы вычеркивать из числа борцов скуллытора Неизвестного, хотя Ильичев и утверждал, что он выразил «понимание указаний партии».

Самым ярким примером того, как Ильичев пытается «захватить» своих противников, являются его слова о повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Ильичев утверждает, что эта вещь принадлежит к тем произведениям, «в которых с партийных позиций критикуются серьезные упущения и ошибки, имевшие место в жизни советского общества». Он утверждает, что «она написана не с упаднических позиций». Нет, товарищ Ильичев, этот номер не пройдет! Здесь не может быть ссылки на неопубликованные тексты! Хотя в свободную продажу 11-й номер «Нового мира» и не поступил, но подписчики его получили и повесть широко известна в стране. «Партийные позиции» тут просто ни при чем. Повесть сугубо пессимистична. Весь длинный день Ивана Денисовича свидетельствует о том, как власть уничтожает человека в человеке, если даже физически его и не истребляет. Солженицын взял в герои простого человека и показал, что единственный честный путь к спасению лежит в целеустремленном, круглосуточном помысле о лишней пайке или миске баланды. И единственное счастье этого человека в том, что день прошел... Если это «партийная позиция», то только потому, что круг интересов рядового члена будущего коммунистического общества желателен Ильичевым именно таким, как у Ивана Денисовича!

Ильичев утверждает, что у ряда выступавших «явно проглядывало стремление во что бы то ни стало защитить свои неверные позиции, занять, так сказать, «круговую оборону». Но он выбрал неправильное выражение: вся цель его речи сводится к тому, чтобы заручиться поддержкой хотя нескольких настоящих властителей дум сегодняшней России — художников, писателей, композиторов — в той «круговой обороне», которую должна занять власть, защищаясь от наступающего народного искусства!

После речи Ильичева прошел месяц и цель не достигнута: из настоящих художников, поэтов, писателей никто не встал на сторону власти, никто не принял участия в том кошачьем концерте, который учинили на страницах печати твердокаменные бездарности!

Долго так больше продолжаться не может, иначе власть окончательно проигрывает сражение. Нужны новые решительные меры. Есть ли они еще в запасе? Возможно, что выпад «Известий» против В. Некрасова (см. след. страницу) и является одним из этих новых зарядов. Можно надеяться, что и этот выстрел пройдет мимо цели.

*

Мы сказали выше, что не от хорошей жизни именно теперь бросилась власть в контратаку на культурном фронте. И действительно, казалось бы, что в момент напряжения взаимоотношений с КПК, после «потери лица» на Кубе, следовало бы проявить максимально возможную либеральность в стране, заручиться поддержкой в борьбе с догматиками, заручиться симпатиями доверчивого Запада.

Момент явно невыгодный, но власти пришлось действовать. Почему?

В 1956 году в Венгрии студенты и рабочие пошли на баррикады за своими поэтами. Защитников власти вешали за ноги. Наши студенты откликнулись на Венгерскую революцию и стали своими подпольными стихами «жечь сердца людей». Тогда власть вынуждена была дать большой бой на литературном фронте.

Сегодня положение серьезнее. Кровавые события в Новочеркасске, Донбассе, Кузбассе и других местах нашей страны летом минувшего года явились тем предупреждением власти, которое заставило ее действовать. Влияние правдивого слова сегодня больше, чем когда-либо. Недаром пишет подпольный поэт:

«Сегодня сплошь
 Она в поэтах,
 Шестидесятая Россия!..»

И недаром говорит другой, что

«Для самых ответственных дат
 Создавала эпоха поэтов,
 А они создавали солдат».

Происходит переплетение разных участков фронтов борьбы. Поэзия, литература, музыка — всё свободное творчество выходит на передовую. После Венгрии появились первые подпольные стихи среди студентов МГУ. Теперь по стране ходит не один «Феникс». Падает страх. В 1956 г. ЦК завалили анонимными письмами. Теперь их подписывают — группами и в одиночку.

Власть пошла на бой на фронте литературы и искусства в невыгодный момент, не считаясь с нуждами второстепенных фронтов, из-за угрожающего положения на главном участке — в стране!

По нашей стране

Хрущев о разрешении германского вопроса

Выступая на VI съезде СЕПГ в Берлине, Хрущев, как и предполагалось, большую часть своей речи посвятил противоречиям между КПСС и КПК. Эта часть речи комментируется в другом месте нашего еженедельника («Новый клин в трещину». — А. Н.). Но Хрущев выступал в Берлине, а значит и не мог обойти молчанием тот факт, что четырехлетние разговоры о заключении мирного договора с двумя Германиями все еще не привели ни к каким результатам.

Надо отдать ему должное — Хрущев откровенно признал: «Четыре года прошли, а мирного договора нет». Умелчал он только о том, что в течение этих четырех лет он несколько раз ставил ультимативные сроки в несколько месяцев.

Однако теперь Хрущев никаких сроков больше не называет, но находит объяснение такому своему поведению. Хрущев считает, что положение в Германии в течение этих лет настолько из-

менилось, что больше нет оснований во что бы то ни стало добиваться заключения мирного договора. Хрущев даже называет тот день, когда положение изменилось: это 13 августа 1961 года, день постройки берлинской стены.

Выворачивая конечно наизнанку причину строительства стены, Хрущев говорит, что это было «принятие защитных мер на границе с Западным Берлином». Хрущев делает вид, что «брешь в стене ГДР» «нагло злоупотребляли враги социализма». Нужно было защитить интересы как самой ГДР, так и всего социалистического содружества». Хрущев конечно не говорит, что названные им «враги социализма» — жители «ГДР», бежавшие из нее!

Но в одном Хрущев действительно прав: с того момента, когда в Берлине была воздвигнута стена, у коммунистов появилась возможность ждать с мирным договором.

ЗА НЕДЕЛЮ

● «Заявление» ЦК КПСС по поводу запрещения компартии Туниса. В «Правде» от 20 января опубликовано «Заявление ЦК КПСС», касающееся запрещения в Тунисе деятельности коммунистической партии. Это запрещение и закрытие еще раньше органа тунисской компартии — газеты «Ат-Талиа» и «прогрессивной газеты» «Трибюн дю прогрэ» ЦК КПСС квалифицирует как «антидемократические акты, грубо попирающие конституцию Туниса». ЦК КПСС говорит о заслугах компартии Туниса, якобы имеющихся у нее в борьбе «за национальную независимость своей страны», и бесцеремонно утверждает, что «принцип демократических свобод, провозглашенный в конституции Туниса», «оказался пустым звуком». Далее в «Заявлении» говорится, будто власти Туниса «пошли на запрещение коммунистической партии не без давления со стороны западных держав». По словам «Заявления», запрет компартии Туниса «причинит большой вред его национальным интересам». Под конец ЦК КПСС выражает «уверенность в том, что коммунисты Туниса будут и впредь самоотверженно бороться за дело демократии и прогресса», то есть за то дело, во имя защиты которого и запрещена компартия.

● Партконференции в Москве и Ленинграде. Состоялись первые конференции московских и ленинградских областных промышленных и сельских партийных организаций. Первым секретарем Московского промышленного обкома КПСС избран В. А. Демченко, Ленинградского — В. С. Толстикова. Первым секретарем Московского сельского обкома КПСС избран В. И. Конюшоп, Ленинградского — Г. И. Козлов.

● Областные конференции сельскохозяйственных организаций КП Украины. Закончились областные конференции сельскохозяйственных организаций компартии Украины. Как и в других местах, они проведены в осуществление решений ноябрьского (1962 г.) пленума ЦК КПСС о перестройке партийного руководства экономикой. Как явствует из отчета об этих конференциях, опубликованного в «Правде» 20 января, вместо 604 райкомов и горкомов партии, «занимавшихся до сих пор проблемами сельского хозяйства», в республике создано 250 парткомов производственных управлений. В отчете наряду с бодрыми строками об успехах встречаются более чем унылые признания вроде: «С горечью говорили делегаты на черниговской, одесской, винницкой, львовской, запорожской и других партийных конференциях о пестроге в урожаях пшеницы, кукурузы, о больших потерях зерна», «...немало еще есть таких руководителей, как это отмечалось на харьковской, луганской, донецкой, запорожской и других конференциях, которые без зазрения совести вымогают у государства корма, а свои земли по-хозяйски не используют». В адрес «Сельхозтехники», созданной, как известно, по

инициативе самого Хрущева, начальник Корсунь-Шевченковского производственного управления М. А. Бурляй сказал на конференции в Черкассах: «Создается впечатление, что это не производственная, а коммерческая организация, заботящаяся лишь о собственных доходах».

● Отъезд Хрущева из Восточного Берлина. После восьмидневного пребывания в Восточной Германии, где он принимал участие в работе съезда СЕПГ, Хрущев 22 января вечером отбыл в Советский Союз.

● Слухи о «Черном жуке». В Харькове много говорят о подпольной террористической организации «Черный жук». Рассказывают, что она захватывает дружинников, вывозит их за город и расправляется там с ними. Были случаи налетов «Черного жука» на оберкасы. В случае пропажи человека говорят, что его увез «Черный жук» (Собств. инф.).

● Рапакский в Москве. 18 января в Москву прибыл министр иностранных дел Польши Рапакский. В тот же день Рапакский встречался с Громыко. После разговора с Громыко Рапакский отправился дальше — с официальным визитом в Индию.

● В Москву прибыл новый чрезвычайный и полномочный посол Финляндии в СССР Йорма Я. Ванамо.

● Промышленность Белоруссии — в глубоком прорыве. «Правда» от 19 января опубликовала большую корреспонденцию из Минска, в которой не скрывается серьезная тревога в связи с глубоким провалом в промышленности Белоруссии. «Пятая часть предприятий республики, — признается газета, — не выполняет производственных планов. Только в Минской области 49 предприятий недодали в минувшем году продукции на 10 миллионов рублей. Не выполнили планы 30 предприятий Гомельской области». «Правда» бьет тревогу в связи с низким качеством выпускаемых машин и другой продукции. Среди примеров есть такой поистине неприглядный: тракторы новой конструкции «Беларусь-МТЗ-50» в эксплуатации оказались хуже трактора старой конструкции. Газета вынуждена сообщить, что «много жалоб поступает на низкое качество телевизоров, часов, обуви, одежды, мебели и некоторых других изделий». «Правда» крайне недовольна тем, что в капитальном строительстве имеются «серьезные недостатки», а еще больше — низкой производительностью труда на заводах, фабриках и стройках.

● Собрание писателей Кубани. «Литературная газета» от 19 января сообщает об отчетно-выборном собрании Краснодарского краевого отделения Союза писателей РСФСР. На собрании отмечалось, что «...многим произведениям кубанской прозы и поэзии не хватает глубины и масштабности. Некоторые книги напоминают скороспелые поделки, продиктованные конъюнктурными со-

ображениями». Орапоры также высказывали недовольство критикой, которой «...одни произведения... превозносятся до небес, другие... встречаются злыми, разухабистыми оценками». В работе отчетно-выборного собрания писателей, сообщает газета, принял участие первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Г. Киселев. Газета не уточняет, в каком качестве присутствовал Киселев: как писатель или как надзиратель.

● Телеграммы Хрущева исполкому лейбористской партии и г-же Гейтскелл. В связи с кончиной лидера лейбористской партии Великобритании Хью Гейтскелла Хрущев направил телеграммы соболезнования исполнительному комитету этой партии и супруге Гейтскелла — госпоже Анне Д. Гейтскелл. В первой телеграмме Хрущев назвал Гейтскелла «видным политическим деятелем Англии» и кончину его — «большой утратой для лейбористского движения Англии».

● Нефть Татарии идет в Москву. Вступил в строй магистральный нефтепровод Рязань—Москва. По нему нефтяной поток с промыслов Татарии, до сих пор доходивший только до Рязани, пойдет дальше — в Москву.

● Новая гидроэлектростанция в Таджикистане. В центральных газетах от 20 января напечатана информация о вводе в действие первой станции Вахшского каскада.

● Спуск со ступеней самого большого танкера торгового флота нашей страны. Опущен на воду со ступеней Балтийского судостроительного завода в Ленинграде самый большой танкер нашего торгового флота «София». Водоизмещение гигантского судна — 62.000 тонн. Судно строилось новыми методами: путем монтажа на ступени секций, изготовленных в цехах.

● Преподаватели — без книг. В «Посеве» не раз сообщалось о том, что

Нападки на В. Некрасова

В «Известиях» от 20 января появилась «реплика» — редакционная заметка без подписи, названная «Турист с тросточкой». Речь в «реплике» идет об известном писателе Викторе Некрасове и о его очерках «По обе стороны океана», помещенных в номерах 11 и 12 «Нового мира» за 1962 год.

Редакция «Известий» подвергает очерки Некрасова уничтожающей критике. По ее мнению, «мысли и ассоциации» автора, вызванные короткой поездкой, «оказались крайне поверхностными и глубоко неправильными». Хотя сам автор утверждает, что отказался от советов, «чтобы при описании контрастов Америки придерживаться пропорции фифти-фифти — пятьдесят на пятьдесят», «Известия» обвиняют его в том, что он на эту позицию встал: «И не только в рассказе о черно-белых сторонах американского образа жизни, — это было бы еще полбеды. Воя беда в том, что В. Некрасов следует «фифти-фифти» в вещах куда более серьезных — при сопоставлении «двух миров», двух идеологий».

«Известия» считают, что ««фифти-фифти» — весьма опасная штука». В «реплике» утверждается, что тогда «можно ставить знак равенства между битвой на Волге (Сталинградскую битву тоже переименовали! — Д. Ш.) и американской свиной тушонкой, между (и это, по-видимому, еще больше возмущает «Известия», — Д. Ш.) схемами Корбюзье и силуэтами городов коммунистического завтра».

Газета обвиняет Некрасова в том, что он «в своем стремительном туристическом кроссе допустил фактические искажения» и вносит к ним поправки, которые пребывают добавочных исправлений. Но и «Известия» считают, и мы не можем с ними не согласиться, что «дело не в фактических ошибках». С точки зрения «Известий», дело «в тех легкомысленных и неверных обобщениях и параллелях, которые ведут к буржуазному объективизму, к бездумному описательству, искажающему действительность».

издательства нашей страны, с большой оперативностью выпускающие огромными тиражами так называемые произведения марксизма-ленинизма да речи Хрущева, из года в год не справляясь с изданием учебников для школьников и студентов. Десятки тысяч учащихся не имеют книг. Теперь «Известия» (за 19 января) пишут, что в трудном положении находятся и сами учителя: нет у них необходимой методической литературы, которую, заявляет газета, «достать почти невозможно». Особенно плохо обстоит с изданием методической литературы для преподавателей истории.

● Проблема... малярной кисти. По мере того, как внимание КПСС все больше уделяется космосу, дела у нас на земле идут все хуже. Дошло до того, что, как пишет Т. Гойгов в «Правде» (№ 20), простейшая малярная кисть стала проблемой. «Для бесперебойной работы строителям Нурекской ГЭС, — пишет Гойгов, — кроме основных материалов, необходимы вспомогательные: гвозди, малярные кисти и т. д. Но снабжение строительных объектов этими «мелочами» с некоторой пор стало проблемой». «Назрела необходимость, — заканчивает Гойгов, — не только возобновить, но и расширить производство этих нехитрых изделий»... Выходит, что малярные кисти вообще не выпускаются, нет также гвоздей.

● Выставка работ французских художников. «Известия» (№ 16) и другие газеты поместили сообщения об открытии в Московском музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина выставки работ французских художников — Фернана Леже, чье многообразное творчество представлено живописью, графикой, скульптурой, витражами, gobеленами, керамикой, мозаикой, и его учеников Надежды Леже и Жоржа Бокье, представленных произведениями живописи и графики.

С нашей точки зрения дело в другом: в «Посеве» от 23 декабря 1962 года мы писали в статье «Писатель Некрасов о «радостной вести» о выступлении Виктора Некрасова в Париже перед демонстрацией фильма «Евгений Онегин». Некрасов сказал тогда: «Я приехал к вам, чтобы поделиться радостной вестью. В 11-м номере «Нового мира» появилось произведение Солженицына «Один день Ивана Денисовича»... Некрасов утверждал в этой речи, что «все у нас идет по-другому». Он даже привел пример выставки живописи в Москве, «где представлены все направления. В зале выставки — дискуссии. Говорят, что хотят и что думают. Раньше это не было возможно. Я слышал, как какой-то молодой человек открыто защищал абстрактное искусство, которое у нас не в почете».

В упомянутой статье в «Посеве» уже месяц назад мы сказали Некрасову, что, хотя нам «понятна его радость по поводу опубликования повести Солженицына, однако его разговор о наступившей в стране свободе явно преждевременен». Мы уже тогда говорили о нападениях Хрущева на художников-абстракционистов на той же упомянутой Некрасовым выставке. С тех пор власть в упорных оборонительных боях старается удержать ускользающие из ее рук позиции. Бой на этом фронте разгорелся с большой силой. Популярный писатель Некрасов нужен власти как союзник в этой борьбе.

Власть может позволить ему произносить самые свободолобивые речи в Париже и не будет открыто ругать за это. Ведь при помощи таких речей можно сколпачить немало дураков на Западе. Но, воспользовавшись другим предлогом — очерками в «Новом мире», на Некрасова делается серьезный наскок, который по замыслу власти должен поставить его на колени.

В ближайшие дни Виктору Некрасову придется доказать, был ли он искренен, когда он выступал в Париже.

Д. ШАГАРОВ

Борьба за свободу творчества

Коммунистическая власть в борьбе с опасными для нее явлениями постоянно прибегает к одному и тому же приему. Ведя борьбу против религии, против верующих, она утверждает, что борется против сект «свидетелей Иеговы»; борясь против революционного движения, заявляет, что вылавливает «уголовный элемент».

Вступив в обостренную борьбу против свободы творчества, власть заявила, что борется с движением «абстракционистов», снова постаралась «измельчить тему», показать ведущуюся борьбу в уменьшенном масштабе, в искаженном виде.

Частично ей это удалось. Величину происходящего в стране спора сразу никто не сумел оценить. Оценить ее в

Я. Трушнович

полном объеме представляется нам еще и сейчас невозможным. Но суть дела видна уже сейчас.

То, что было принято вначале за атаку власти на искусство, есть на самом деле ее отчаянная оборона. Атакуют не власть — ее атакуют. Атакуют сомкнутым строем художники, композиторы, поэты, писатели. На их стороне, и это чрезвычайно важно, общественное мнение, которое приобретает за последние годы все большее и большее значение.

Власть поневоле отходит от «мелкотемья», от болтовни об «абстракционистах», вынуждена признать, что в стране происходит грандиозная борьба за свободу творчества, за свободу воззрений.

Годами эта борьба шла незримо для многих. Борьба в открытую началась после того, как «руководители партии и правительства» во главе с Хрущевым 1 декабря 1962 года осмотрели выставку произведений московских художников, посвященную 30-летию МОСХа. В тот же день они осмотрели «работы некоторых так называемых абстракционистов». «Руководители» пришли в панику и в ярость. Выяснилось, что «враждебная идеология» завладела даже такой цитаделью, как МОСХ: «...На выставке московских художников представлены формалистические картины, изображающие каких-то безысходно мрачных, угрюмых и уродливых людей...», ужаснулся секретарь ЦК КПСС Ильичев («Правда» от 22 декабря 1962 г.). В то же время полотно «столпов» социалистического реализма на выставке оказалось непрослительно мало, на что наряду с другими сетовал «народный художник» Н. Жуков в «Литературной газете» от 20 декабря 1962 г.: «...творчество художников... Бакшеева, Бялыницкого-Бируля, Юона показано до удивления мало и это особенно досадно, когда видишь, с какой щедростью представлены сомнительного художественного достоинства работы Фалька, Штернберга».

Это «грехопадение» МОСХа, несомненно, встревожило власть гораздо больше, чем полотна абстракционистов, хотя именно на абстракционистов сделала наибольший упор пропаганда.

На следующий день власть начала принимать «меры». Иогансон, как не справившийся с ролью жандарма (такой «столп», а и он не справился!), был отставлен от должности президента Академии художеств и на его место был назначен Серов. Административные меры были приняты и по отношению к другим «не справившимся».

В частности, был смещен редактор «Литературной газеты» Косолапов, по слухам за то, что отказался печатать статью Вучетича. Но об этом сегодня еще мало известно. Видимым же проявлением открытой борьбы была начатая 2 декабря кампания в печати. Во всех центральных газетах был помещен отчет о посещении «руководителями» выставки, о заявлении Хрущева, что картины негодных партии художников написаны «хвостом осла», что они неспособны выполнять «...общественные задания» и т. д.

Партийная печать, как всегда, предоставляет место только для статей и высказываний, удобных власти, и не помещает высказываний негодных. Так, например, в газетах от 2 декабря можно было прочесть, что в ответ на вопросы Хрущева о значении некоторых выставочных экспонатов «был слы-

шен лишь невнятный разговор, свидетельствующий лишь о духовном убожестве авторов этих «произведений»...». На самом же деле не приведенный советской печатью «разговор» художников (во всяком случае некоторых из них), по свидетельству иностранных корреспондентов, был очень внятным и решительным, что привело Хрущева и его окружение в еще большее бешенство и панику.

Отчет о посещении выставки представителями власти был трубным сигналом: вся пресса начала изо дня в день печатать статьи, письма, передовицы, призывающие «к порядку». Власть, как мы сказали, хотела вначале остаться «при мелкой теме»: обругать абстракционистов и формалистов и этим, более или менее, ограничиться. Она, вероятно, не надеялась, что все «виновные» тут же падут на колени, но была уверена, что они, по крайней мере, пойдут на какие-то компромиссы.

Уверенность эта оказалась напрасной. Художники и общество дали власти настолько сильный и непривычный отпор, что вскоре пришлось отставить побочные маскировочные темы и перейти к вопросу о свободе творчества. Этот вопрос поднят не властью. Он поднят художниками, писателями, нашей интеллигенцией.

*

Почувствовав, что хочешь-не хочешь, а придется говорить «о главном», власть стала поспешно подтягивать резервы.

Уже через 15 дней после хрущевской «декларации об ослином хвосте», 17 декабря, была спешно созвана «встреча руководителей Коммунистической партии и Советского правительства с деятелями литературы и искусства».

«На встрече были писатели, художники, скульпторы, композиторы, деятели кино и театра — художественная интеллигенция Москвы и Ленинграда, представители всех союзных республик, редакторы газет и журналов, руководители радио и телевидения», сообщали центральные газеты от 18 декабря.

Следовательно, на «встречу», состоявшуюся в Доме приемов на Ленинских горах, власть созвала всех тех, в ком надеялась найти поддержку. И они слетались, в полном смысле этого слова, со всех концов страны:

«...Я прилетел на эту встречу из Алма-Аты... мне пришлось прервать съемки...», пишет кинорежиссер Ю. Чулюкин в «Литературной газете» от 25 декабря. На нее, прервав все дела, неслись «верные» из Иркутска, из Одессы, из Тбилиси, Риги, Саранска...

На «встрече» выступили Хрущев и секретарь ЦК КПСС Ильичев и

это лишний раз иллюстрирует, какое значение придавала ей власть. Казалось, что «о консолидации всех творческих сил советской культуры» говорить следовало министру культуры Фурцевой. Ведь и она принадлежит к числу «руководителей советского правительства».

Речь Ильичева была произнесена в понедельник 17 декабря. В печати же появилась в субботу 22 декабря. Потребовалась доработка для печати. Но и в окончательном виде речь создает впечатление кое-как, наспех состряпанного документа. Чего стоит хотя бы место, где Ильичев говорит о Есенине-Вольпине: он называет его и «душевнобольным», и, одновременно, «проходимцем», не успев получить даже справку о том, что журнал «Вопросы философии» № 11 за 1962 год, т. е. за месяц до выступления Ильичева, сообщал об участии Есенина-Вольпина в конференции по философским вопросам кибернетики. (Об этом сказано подробно в «Посеве» от 7 января).

Что же касается выступления Хрущева, то его истерические выкрики было невозможно собрать во что-либо связанное и они оказались полностью «непечатными».

Начав с того, что ЦК КПСС «удовлетворен положением дела в области культуры» и что «ничего, разумеется, сверхобычного не произошло», Ильичев перешел к делу:

«В Центральный Комитет партии и в Совет Министров СССР, в адрес Никиты Сергеевича Хрущева в последнее время стали поступать письма, авторы которых — представители различных групп художественной интеллигенции — ставят острые, едва ли не самые коренные вопросы развития нашего искусства...», сказал он. (Всюду, где это специально не оговорено, выделено нами. — Я. Т.).

«У некоторых художников... все явственнее проступает тяготение к абстрактной живописи, что вызывает беспокойство. Абстракционисты перешли к активным действиям — организуют выставки своих «произведений», навязчиво рекламируют их внутри страны и вне ее, выдают себя за единственных представителей подлинного искусства, а всех, кто стоит на позициях социалистического реализма, третируют как консерваторов...», — довольно откровенно признался Ильичев.

Это отношение к «соцреалистам» очевидно достигло таких размеров, что они, наконец, «возопили гласом великим» и заявили руководству партии, что так дальше продолжаться не может: они за партию боролись, не жалея сил, а партия их лишила опеки и бросила на произвол судьбы. Ильичев рассказал, что «большая группа художников обратилась в президиум недавно проходившего Пленума ЦК КПСС с письмом...» и процитировал отрывки из него:

«...В настоящее время формалистами ставятся под сомнение, как устаревшие,

высказывания В. И. Ленина и решения партии о реалистическом искусстве... Мы обращаемся в Центральный Комитет и просим сказать, что же устарело в этих решениях... — зывали «свободные» художники — ...Выступления против этих решений в печати, по радио и телевидению необходимо рассматривать как ревизионистские, способствующие проникновению чуждой нам идеологии...», втолковывали они президиуму.

Так Ильичев постепенно открывал истинное положение вещей: враждебные советской власти идеи распространяются советской печатью, советским радио, советским телевидением, выставка МОСХа проходит под знаком «враждебной идеологии».

Молодые абстракционисты, «группирующиеся вокруг Э. Белютина...», добавил Ильичев, повели себя совершенно неожиданно: никого ни о чем не спросив они «в ноябре организовали «выставку» своих «произведений»...» и оскрамили власть перед всем миром. Так и чувствуется в голосе Ильичева слеза, когда он говорит, что «...тут как тут оказались зарубежные журналисты. Они щелкали фотоаппаратами, крутили кинокамеры... брали интервью, а затем широко расписали все это в буржуазных газетах... для того, чтобы оскорбить, унижить наше подлинное советское искусство...»

Кажется, зачем Ильичеву бояться иностранных журналистов? Ведь только что он признался, что на «подлинное советское искусство» внутри страны плюют с гораздо большим омерзением, чем за границей.

Ильичев признался также, что «...некоторые художники обиделись на справедливую критику... абстракционизма и формализма». Обида ли это была? Ведь, как известно, обижаться можно не на всех. Нет, художники не обижались, они вслух говорили о том, что думают, требовали:

«После того, как руководители... осматривали выставку... и высказали критические замечания... среди известной части творческой интеллигенции стали распространяться слухи, что вот-де, мол, опять начался поход против людей, ищущих новые формы, новые пути в искусстве».

В адрес Н. С. Хрущева поступило несколько писем, в которых выражается такая мысль: сделайте все, чтобы не повторилось то, что имело место в период культа личности Сталина».

Ильичев не сказал, кто подписал эти письма. Мы знаем, что под одним из них есть, среди прочих, подпись В. Катаева. Он не сказал, что означает в его устах слово «несколько». Мы думаем, что это означает очень много. Иначе стоило ли впадать в такую панику? Отрывки одного из этих групповых писем он процитировал:

«...мы... хотим сказать со всей искренностью, — писали авторы письма, — что без возможности существования разных художественных направлений искусство обречено на гибель».

Мы видим теперь, как начинают толковать Ваши слова на выставке художники того самого направления, которое единственное процветало при Сталине, не давая другим возможности работать и даже жить... Мы обращаемся к Вам с просьбой остановить в области изобразительного искусства поворот к прошлым методам, которые противостоят всему духу нашего времени».

Если в этих письмах деятели искусства с достаточной ясностью и резкостью расценивают выступление Хрущева в защиту «того самого направления», как попытку возвращения к сталинщине, то интересно было бы знать содержание письма, подписанного «другой группой то-

ты», Трубникова не останавливается даже перед прямой слежкой. Две ночи подряд сидит она в кустах, чтобы поймать злоумышленников, будто бы монахов, которые, по ее информации, занимаются вымогательством, предлагая богомольцам приносить в полночь «под крест на страде» определенную сумму денег. Хотя Трубникова уверяет, что писем с угрозами послано 30, ей никого не удается поймать. Она не только не видит забирающих деньги монахов, но денег вообще никто не приносит. Однако цель достигнута. Тень на Лавру и на монашество брошена.

Но как бы ни старалась Трубникова представить жизнь Лавры в злобно-карикатурном виде, она не могла не написать о том, что среди монахов и послушников, как и среди паломников, много молодежи.

Яркой и колоритной представительницей этой молодежи является бывшая студентка торгового техникума Люба Дудкина.

Интересно, что, желая узнать подробности жизни Любы и те обстоятельства, которые сделали ее горячо верующей, Трубникова не нашла о ней никаких сведений ни в редакции местной газеты, ни в райкоме комсомола, ни в райкоме партии. Она нашла их в милиции, где оказалась целая папка, озаглавленная «Дело Любы Дудкиной».

Лейтенант милиции показал ей письмо, написанное по его инициативе преподавателями и студентами техникума, чтобы на нее воздействовать: «Вы можете сказать нам: «Я верующая!» Верьте, это ваше дело. Но мы считаем себя вправе спросить: почему вы не прудитесь, а ту-неядствуете, да еще в столь неприличной и отвратительной форме?»

Даже лейтенант милиции понимает, что так не убеждают «заблудившегося» товарища и на вопрос Трубниковой: «Что

же решит Люба?», отвечает уклончиво: «Трудно сказать».

Пользуясь своим миссионерством и протекцией обманутых ею людей, Трубникова получает возможность осмотреть монашеские кельи и попробовать в настоятелю монастыря. Настоятеля Трубникова показывает в виде болтливого старика, который ни с того, ни с сего даже показал ей приходо-расходную книгу Лавры, в которой Трубникова увидела «опомную» сумму ежемесячного прихода Лавры в 4.344 рубля.

Такое «доверие» со стороны настоятеля к неизвестной ему богомолке, вероятно, объясняется тем, что, кроме черного платочка и креста на шее, Трубникова имела еще удостоверение от некоей могущественной организации, перед которой открываются и монашеские кельи и монастырские бухгалтерские книги. Трубникова многозначительно констатирует, что большая часть пожертвований поступает в Лавру из отдаленных мест страны. Близкие, мол, очень хорошо знают, что представляет из себя Лавра, и не жертвуют ей ни копейки. Невольно напрашивается другое объяснение: жителей прилегающих районов за помощь Лавре легче подвергать преследованиям...

Итак, с крестом на шее, но без советских выполняла журналистка Трубникова данный ей социальный заказ: написать такой репортаж о Почаевской Лавре, который убедил бы взбодраженное общественное мнение страны в действительной необходимости закрыть Лавру, как очаг изуверства и источник мракобесия.

Но Трубникова с заданием не справилась. Ее репортаж слишком пруб, слишком ясно проглядывают в нем его действительные цели, слишком бесцеремонно Трубникова извращает факты и слишком откровенно приспосабливает их к заданию.

В. ПЫХТИН

С „исповедью“ против сектантов

Коммунистическая антирелигиозная пропаганда выработала различные приемы для борьбы с православием и сектантством.

Выступая против православия, козыряют обычно неграмотностью, антинаучностью, серостью. Духовенству обязательно приписывают стяжательство, спекуляцию, а иногда и мелкое воровство.

О сектантах пишут совсем иначе. Здесь всегда фигурирует антигосударственная деятельность и обычно изуверство. Лишая большинство сект всякого права деятельности, загоняя их в глубокое подполье, пропагандисты КПСС осуждают сектантов резче всего как раз за скрытый, конспиративный характер их деятельности. Из сектантов самым резким нападкам подвергаются сейчас иеговисты и кроме специальных статей на них сконцентрирован весь огонь коммунистической антирелигиозной пропаганды, направленной против сектантов вообще.

Именно из-за этого, когда мир облетела весть о том, что 3 января в американское посольство в Москве ворвалась группа из 32 «евангельских христиан», приехавших из далекого Черногорска Красноярского края, чтобы просить то ли Соединенные Штаты, то ли мировую общественность защитить их от произвола коммунистической власти, можно было с уверенностью сказать, что власть ответит в своей печати новыми нападениями на сектантов, вернее всего на иеговистов.

Так и случилось. В бой ринулась «Комсомольская правда», которая уже 10 января поместила «Исповедь» некоего Василия Проня — бывшего руководителя иеговистского кружка. «Исповедь» преподносится собственным корреспондентом газеты в Иркутске А. Глазовым. Ближе к Черногорску поселить Проню было, пожалуй, рискованно — связь слишком бросалась бы в глаза. Иркутск же место подходящее — для жителя Ев-

ропейской России он, как и Черногорск, находится «далеко — в Сибири».

«Исповедь» сфабрикована очень наспех и особого интереса не представляет. Сначала тяжелое детство с родителями, «гнувшими спину на панской земле» в закарпатской деревушке Лисивке, с одной только надеждой — на Бога. Затем встреча на зимнем лесном промысле с активным иеговистом, который рассказывал «о новом, теократическом государстве, которое будет создано под правлением Христа» и пугал «близким концом света — Армагеддоном». Это было до войны, т. е. когда Закарпатье еще не входило в состав СССР. С приходом советской власти остальных иеговистов «выселили за антигосударственную деятельность», а не желавший остаться один Проня поехал вслед за ними.

Главный криминал начинается уже в Сибири, где, оказывается, организовываются подпольные типографии, печатается нелегальная литература, идет шифрованная переписка с руководством.

«Прозрение» В. Проня начинается, конечно, с опубликования «новой Программы коммунистов», из которой он узнает, «каким должен быть человек», а завершается, когда вместо указания не голосовать на выборах, иеговистская литература дает совет: «на избирательный участок идите, но вычеркивайте фамилии кандидатов».

В общем жалкая, никого не убеждающая фальшивка, о которой можно было бы и не писать, если бы не ее цель создать обстановку для дальнейшего преследования 32-х сектантов, донесших свои протесты до американского консульства.

«Исповедь» свидетельствует, что борьба вокруг судеб этих решительных крестьян еще только начинается. Следующий шаг за Государственным департаментом США, который должен широко огласить их просьбы. Это поможет их судьбе.

М. МХЕИДЗЕ

Евтушенко на ролях Эренбурга

В дни, когда в России идут упорные бои на попрание искусства, Евгений Евтушенко, один из первых поднявших знамя борьбы за свободу творчества, катается по Европе. Он выполняет ответственные задания партии и правительства. Как испытанный коммивояжер, он продает доверчивому Западу ту самую «оттепель в Советском Союзе», тот новый «советский либерализм», против которых ополчились Ильичев со товарищи.

Можно спорить об искренних побуждениях Евтушенко, но бесспорно, что в идущих боях он объективно находится не по ту сторону баррикад, где место автору «Станция Зима». По-видимому, Евтушенко передана властью теперь та роль, которую в течение многих лет выполнял Илья Эренбург. Но при исполнении этой роли теперь допускается гораздо больше вольности, чем раньше. Здесь действительно проявляется либерализм власти. Делай что хочешь, — говорит она своему коммивояжеру. Ври, сколько хочешь! Отрекайся от «всего святого», только создай впечатление! Пусть верят, что мы хорошие!

Евтушенко в Западной Германии. Его пригласила левая группировка культурной элиты. Но он покореет и студентов и многих людей зрелого возраста. Наш корреспондент рассказывает об одной из его побед.

Из Германии Евтушенко поедет во Францию и дальше в.. франкистскую Испанию. В советских газетах об этом еще не писали. По-видимому, и не будут писать, пока он не вернется. А тогда выяснится, послан ли он туда, чтобы «делать большую политику». Если нет, то после поездки он сможет обрушиться с руганью на своих вчерашних хозяев — фашистов. Если да, о его поездке страна может вообще не узнать...

«АПОДИСМЕНТЫ, ПЕРЕХОДЯЩИЕ В ОВАЦИЮ...»

Г. Тюбинген, 17 января. Весь изогнувшись, заложив руки в брюки, орудуя улыбочкой, Евтушенко — этот «коммунистический экспортный товар» предстал в актовом зале Тюбингенского университета перед неопытной и в большинстве своем молодой публикой.

Пришел, покривлялся, победил...

Бурные продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию — будто вернулись старые времена и на сцене не тот, кто может покори́ть стихами, а тот, кто уже покори́л дубиной...

Публика вероятно впервые в жизни увидела «настоящего советского человека», поэта, к тому же молодого, обладающего лирическим голосом и ведущего себя столь же «модно», как средний западногерманский студент.

Одним словом, те, кто послал Евтушенко в затренированное турне, и те, кто организовывал тюбингенские «световые эффекты», могут считать вечер успешным. Но наблюдателю повнимательнее ясно, что отбывается номер, что его интересует встреча с литературоведами — проф. В. Пенсом, проф. Э. Блоком и социологом-политиковедом — Ирвингом Фечером, для которой он и приехал в Тюбинген. Для публики же попроще он готов повторить зады, продекламировать несколько безобидных стихов и ответить на несколько вопросов, обезвреженных предупредительной рукой проф. Йенса, вытаскивающего из кучи записок те, которые кажутся ему подходящими.

Публика не заметила, что Евтушенко играл на самых примитивных струнах демагогии, когда он вместо выступления рассказал «трогательную» историю 18-летней давности о том, как добрые русские женщины с русской душой подавали бывшим своим врагам хлеб, как раздавали его в колоннах немецких военнопленных, которых в 1945 году гнали по московским улицам.

Профессора и студенты не замечали и того, что Евтушенко то совсем обходил заданные вопросы, то, касаясь их мимоходом, отвечал лишь наполовину.

Почему-то этому умелому диалектику на этот раз не захотелось называть своих поэтических учителей. В Англии он был более словоохотлив. «Учился и у больших, и у маленьких. У самых мелких ведь тоже хорошее словечко нет-нет да и найдется», — сказал он.

На вопрос о том, кого ценит из современных немецких авторов, назвал Гё-

те — «который ведь не устарел», сказав, что в каждом человеке и даже во всем «земном шарике» (так и сказал — шарике) есть что-то от Фауста. Но от какого Фауста? До смерти Претхен или после? Хотелось задать такой вопрос, но Евтушенко было некогда, да и проф. Йенс этой записки из кучи не вытащил бы... Он выискивал только вопросы поверхностные, «общего порядка»...

Но вот ясный, точно переведенный вопрос, как он, Евтушенко, относится к выступлению Ильичева, говорившего об ограничении творческой свободы, — не возврат ли это к сталинщине? — Евтушенко сперва сделал вид, будто и не знает, что это значит. Затем же заговорил о том, что сталинщине в России больше не бывать, «даже если бы сам Сталин — не дай Боже (!) воскрес». А о злобещей речи Ильичева — ни слова. Это, сопровождаемое обильной жестикуляцией и мимикой, словоизлияние очень понравилось слушателям.

Их было очень много — несколько тысяч человек, слушавших Евтушенко через репродукторы в трех залах. Снимали для телевидения, был кое-кто из представителей печати, но не много.

Журналисты его раскусили. Его слова одни потом называли «наивными и надуманными», а другие «певучими и гремевшими».

Жаль, что никто не расколотался, когда Евтушенко с серьезным видом утверждал, что приехал в Западную Германию, чтобы захватить с собой в Москву побольше немецких книг для перевода. Странно, то ли мы вернулись к временам курьеров, то ли советская цензура не пропустила того, что захотел бы по почте выписать известный ~~федот~~!

Учитывая любовь Евтушенко к книгам, следовало бы передать ему последний номер «Граней», где есть, среди прочих материалов подпольного журнала «Феникс», и «Открытое письмо Евтушенко» Каранина, которого поэт, судя по его словам, не читал. А жаль! Там есть такие строки:

«По характеру Вы — новейший тип мещанина. А мещанин любит копаться в старом барахле... и из старого барахла скроили поэму «Считайте меня коммунистом». О новом «барахле», о новых событиях Евтушенко не сказал ни единого слова.

Ф. ФАМИН

Жертвуйте на радиовещание НТС

Центральная Комиссия по сбору средств на радиовещание НТС выражает искреннюю благодарность Всеславянскому издательству в Нью-Йорке за пожертвование ценных книг для устройства в Чикаго лотереи.

СОБРАННЫЕ СРЕДСТВА ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

Schweiz, Schweizerischer Bankverein, Basel, Konto Nr. 461 971, с пометкой für NTS — „Freies Rußland“ или:

Deutschland, PechA Frankfurt/Main, Postscheckkonto Nr. 122002 (Russländische Solidaristen — NTS e. V.), с пометкой für Sender „Freies Rußland“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПОСЕВ

Адрес: Possev-Verlag, 623 Frankfurt/Main - Sossenheim, Flurscheldeweg 5.

Почтов. ящик: 6 Frankfurt/Main, Postamt 1, Postfach 2786.

Telegramm-Adresse: Posseverlag, Frankfurt/M.
Postcheckkonto: Frankfurt/M. 33461, Bankkonto:
Naessauische Sparkasse, Frankfurt/M. Nr. 11504.

Издает еженедельник «Посев», журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли «Грани» и художественную и общественно-политическую литературу.

При издательстве — книжный магазин. Проспекты и каталоги высылаются бесплатно.

АВСТРАЛИЯ

"Posavv",
Post Office, Carrum, Victoria.
Mr. A. Varemoff,
8 Abingdon St., W-Gabba,
Brisbane, Qld.

АВСТРИЯ

Wien, Postamt 76, Postfach 40.

АНГИЯ

V. V. Baratechevsky,
23, Alder Grove, London N. W. 2.

АРГЕНТИНА

N. Momot, Casilla de correo 2585,
Buenos Aires.

БЕЛЬГИЯ

E. Drevinsky, B. P. 259, Bruxelles.

БРАЗИЛИЯ

I. Alexandrow, Av. Lavandiska, 648,
Indianopolis, Sao Paulo.

ВЕНЕСУЭЛА

N. Drosdovsky, Apartado correo 4665,
Caracas-Este.

ГОЛЛАНДИЯ

A. Kandaurov, Postbus 325, Rotterdam.

ГРЕЦИЯ

Firma Anna Mazaraki & Co.
Athens, Patission 9.
Salonica, Angelakopoulou-Zakharopoulou.
Nes Magalou Alexandrou 41.

ДАНИЯ

D. Schawltz, Herthavej 2, B, København-Charl.

ИЗРАИЛЬ

M. Kabiri, 5, Giveath-Koach str.
Kiriath-Shalom, Tel-Aviv.

ИСПАНИЯ

Don Miguel Iuranaky-Kolchin,
Padilla, 55, Madrid.

ИТАЛИЯ

A. Konovate, Casella Postale 429,
Roma, Centre.

КАНАДА

A. Romar, 1420, Bernard str. Outremont,
Montreal.

МАЛАЙЯ

M. Talrow, 34, Stevens Road, Singapore.

МАРОККО

Mr. T. Moudrow, Cité de Bournazel, Imm. 14,
App-t 11A, Casablanca.

НОРВЕГИЯ

Fedor Tarakanow, Krusesgt. 5, B, Oslo.

США

Mr. A. P. Studentzoff, 340 Liberty ave.
Brooklyn 7, N. Y.
Mr. A. Tzvikovich, 2314 - 25th Avenue,
San Francisco, 16, California.
Tel. SE 1 - 0339.
A. Salaky, 5527-41 Ave., Kenosha, Wis.
B. M. Burkovsky, 1327 W. Marino st.
West Covina, Calif.

ТУРЦИЯ

Mr. Nadir Bak, Aysa Andreyas Binası
Mumunane caddeesi No. 109
Galata-Istanbul.

ФРАНЦИЯ

"La Semis", Société d'Édition
125, rue du Théâtre, Paris 15 a.
N. Altoff c/o M-me Barge, 6, Place de la
Croix-Rousse, Lyon (Rhône).
A. K. Lavroff, 2, rue de la Moselle,
Nivange (Moselle).

ШВЕЙЦАРИЯ

Leo Grossen, Postfach, Locarno.

ШВЕЦИЯ

Tidarkriften "Posavv", Box 4054,
Södertälje 4.

ЯПОНИЯ

Mr. A. Bakulevsky, 437 - Ival - cho,
Hodogaya-ku, Yokohama.

Einzelpreise — DM 0.80

Цена еженедельника «Посев» с 1.1.62 г. в розничной продаже: Германия — 0,80 н.м.; Австралия — 1 шилл. 10 пенсов; Австрия — 4,50 шилл.; Англия — 1 шилл. 5 пенс.; Аргентина — 8 песо; Бельгия — 9,50 фр.; Бразилия — 50 круэйро; Венесуэла — 0,80 боливера; Голландия — 0,70 гульдена; Греция — 5 драхм; Дания — 1,40 кроны; Израиль — 0,25 фунта; Иран — 8 риалов; Испания — 8 песо; Италия — 100 лир; Канада — 30 центов; Марокко — 80 франков; Норвегия — 1,3 кроны; США — 30 центов; Турция — 1 лира; Франция — 0,80 н. франка; Чили — 150 песо; Швейцария — 0,85 франка; Швеция — 1 крона.

Ныне действует для объявлений в Германии тариф № 2: страница — 1000 н.м.; 3/4 — 725 н.м.; 1/2 — 550 н.м.; 1/4 — 300 н.м.; 1/8 — 160 н.м. Условия подписки на еженедельник «Посев» и журнал «Грани» в Германии:

«Посев»: на 3 месяца — 9,10, не полгода — 18,20, на год — 39,40.

«Грани»: Отдельный экземпляр — 6,00, годовая подписка — 20,00.

Цены указаны в немецких марках.

ИНОСТРАННЫЙ МИР И МЫ

Новый нлин в трещину...

VI СЪЕЗД СЕПГ

конфликтом, ПОРП может выторговать себе больше независимости.

Еще один пример: неудача хрущевских планов хозяйственного объединения СССР и «народных демократий» в рамках так называемого «Совета Экономической Взаимопомощи». И летняя встреча «на верхах», и недавняя 17-ая очередная сессия СЭВ в Бухаресте (с участием заместителей глав правительств) ни к чему не привели. Каждая сторона заботилась лишь о соблюдении своих экономических выгод и сохранении своего экономического суверенитета. Из-за этого ничего не вышло и из замысла создания «сверхнационального органа планирования, а о функциях «банка социалистических стран» так и не удалось договориться и это учреждение осталось на бумаге. Чехословацкие, румынские, болгарские, польские, венгерские «вассалы» вели себя по отношению к «сюзерену» совсем не как «вассалы», а как независимые «государия». Они весьма ревниво следили за своими выплатами.

Третий пример: Куба. Фидель Кастро отнюдь не собирается разрывать отношения с руководством КПСС, предоставившим ему кредит на 200 миллионов рублей. А недавно между Кубой и СССР заключено соглашение о строительстве рыболовного порта на Кубе и о новых дополнительных кредитах. Но это не мешало Фиделю Кастро подписать на днях договор о культурной и технической взаимопомощи с... Албанией!

Выступая 16 января в Гаване на «пан-американском женском конгрессе», Фидель Кастро — в отличие от Хрущева — заявил, что «кубинский кризис не решен. Войну удалось избежать, но мир еще не достигнут». Президент Кеннеди, по словам Кастро, «ничего не обещал», а если что-либо и обещал, то сразу же отрекся от своих обещаний. Не называя по имени Хрущева, Кастро обрушился на «тех, кто критикует отказ Кубы допустить на своей территории инспекцию». «В угоду им — воскликнул Кастро — мы должны были бы допустить инспекцию, чтобы отдать империалистам наше священное право решать, какое оружие мы можем, и какое мы не можем иметь».

Вдобавок ко всему — и опять-таки вразрез с принятой КПСС тактикой, а, следуя больше установкам «китайских товарищей», — Фидель Кастро призвал латиноамериканских коммунистов к партизанским действиям, к гражданской войне: «Долг каждого революционного руководителя — кричать он в микрофон — действовать так, как действовали его собратья в Алжире, как сейчас действуют коммунистические патриоты в Южном Вьетнаме».

Фидель Кастро также многозначительно заявил:

«В социалистическом лагере возник раскол, или разногласия, как более или менее оптимистически выражаются некоторые. Наша задача — не подливать масла в огонь этих разногласий, а бороться за единство социалистического лагеря».

Советские печать и радио обошли молчанием речь Кастро; зато она передавалась на русском языке из Пекина.

Четвертый пример: «дрокитайская» позиция норвежских и уклончиво-нейтральная позиция шведских коммунистов. Лидер первых Левлиен недавно вернулся из Пекина, где его обласкали и поддерживали в его «сталинских» установках. Что же касается «шведских товарищей», то они после долгих внутривластных споров решились на поддержку «мировой революционной политики» руководства КПСС, но с тем, чтобы эта поддержка не истолковывалась, как критика в адрес КПК: поистине, соломоново решение!

Все четыре названных примера (их можно было бы привести еще больше) свидетельствуют об одном: влияние руководства КПСС на «братские компартии» за последний год сильно уменьшилось, а соответственно этому возросла и их независимость. Попытки Хрущева занять пустующий трон «генерального

теоретика международного коммунистического движения» следует считать окончательно погорелыми. Последний гвоздь забил он сам в Восточном Берлине.

Правда, с трибуны VI съезда Хрущев поучал «германских товарищей»: «Ваша роль, ваша задача — лучше организовать производство, поднять производительность труда... Чтобы иметь больше, надо больше производить». Но что стоит за этими поучениями общего характера, за этими банальными истинами? Ничего. Хрущев, как и Ульбрихт, знает: СЕПГ держится сталинской старинки и пока у власти нынешнее руководство, со своего пути не сойдет. А произвести в Восточном Берлине операцию, подобную софийской, Хрущев не в состоянии. Ульбрихт это тоже очень хорошо знает.

Хрущев со своей стороны знает и другое: если Новотного поставить на рентген, то будет явственно виден Энвер Ходжа. Но ему приходится довольствоваться словесными заявлениями чехословацких лидеров и мириться с тем, что его, хрущевский, протеже Рудольф Барак сидит в тюрьме.

«Братская семья» отныне — сборище сектантов, догматиков, авантюристов, оппортунистов, ревизионистов, «некоторых людей, называющих себя марксистами» и даже прямых предателей дела Маркса-Ленина. Здесь всякой твари по паре и нет лишь одного: дирижера этого своеобразного оркестра, играющего кто в лес, кто по дрова.

Сам Хрущев с трибуны VI съезда признал: Албания — «социалистическая страна». Но и Югославия тоже «социалистическая страна», потому что нельзя «определять характер политического строя той или иной социалистической страны только по возобладавшим там на некоторое время ошибочным взглядам руководителей. Основным показателем должны быть не субъективные, а объективные факторы. А это, прежде всего, вопрос о том, кому принадлежат средства производства, в чьих руках власть, по какому пути идет развитие государства».

Аргумент слабый: как, спрашивается, может осенять страну социалистическая благодать, если ею правят предатели? А с другой стороны: в Израиле, например, почти нет частного капитала. Земля там находится во владении кооперативов, даже коммун («кибуцы»), фабрики — в руках государства. Так в силу какой же логики тогда Китай, где еще до сих пор существуют «национальные капиталисты» — социалистическая страна, а Израиль — «капиталистическая»?

Делегаты и гости VI съезда СЕПГ (исключая, разумеется, китайцев, а также северокорейцев и северовьетнамцев) бурно приветствовали Хрущева. Но в кулуарах (так сообщает берлинский корреспондент газеты «Франкфуртер альгемайне») они пожимали плечами: никогда Хрущев, по их мнению, не произносил столь слабой речи. Его аргументы в полемике с КПК делегаты «братских компартий» нашли лишними идеологического фундамента, несерьезными и даже наивными. «Полцарства за коня!» посулил когда-то, если верить Шекспиру, Ричард Третий. «Даю идеологию за фасад единства!» — бросил по существу Хрущев с трибуны VI съезда СЕПГ.

«Китайские товарищи» не соблазнились посулом.

То, что делегата крупнейшей компартии встретили свистом и улюлюканьем — факт, разумеется, неслыханный в истории «международного рабочего и коммунистического движения». Но дело не только в этом. Гораздо важнее слова У Сю-цзяня о том, что без дискуссии возникает опасность раскола. Следовательно, со стороны КПК «дискуссия» будет продолжаться. Агентство Синьхуа обошло молчанием призыв Хрущева прекратить полемику. Зато печать в КНР подробно извещает о выступлении Кастро, в котором кубинский диктатор «сожалеет о разногласиях» в коммунистическом лагере.

У Сю-цзяня в своем выступлении охарактеризовал руководителей КПСС следующим образом: «Люди, называющие

себя марксистами». Уже в одной этой характеристике содержится вызов. У Сю-цзюань, кстати, сам провел десять лет в СССР, стоял одно время во главе департамента министерства иностранных дел по советским и восточноевропейским делам: он, следовательно, отлично разбирается во всей закулисной кухне КПСС и, несомненно, на что-то рассчитывает, бросая подобный вызов.

Впрочем, нельзя быть несправедливыми и к Хрущеву: нужно войти в его положение. Как-никак, он выступал в непосредственной близости от страны, переживающей «германское чудо», и в «столице» эфемерного государства, празднующего его спят и видят, как бы скажутся по ту сторону колючей проволоки и берлинской стены. Как ему прикажете выступать? Признать, что все «животворное учение» — сознательный обман с целью удержания власти?

Хрущев хватался за призрак единства «международного рабочего и коммунистического движения», как утопающий за соломинку. Хрущев говорил: «В основе нашего единства лежит общая идеология — марксизм-ленинизм, принципы пролетарского интернационализма». Но что было ему другое говорить? Признать, что никакой общей идеологии больше нет, а есть лишь общие интересы в завоевании и сохранении власти, и что нельзя рисковать этими интересами в междоусобной борьбе за первенство?

Корень зла не в личных свойствах Хрущева, а в идейном тупике, в который зашел международный коммунизм. Вот подлинная причина существующего разброда. Хрущев в этом тупике повинен в той же мере, как и Мао Цзэ-дун, и Тито, и Кастро, и прочие «выдающиеся деятели».

Гомулка в своем выступлении на VI съезде СЕПГ сказал: «Не следует забывать, что не будь Советского Союза, ни одна социалистическая страна не устояла бы перед натиском империализма». При этих словах, передают, Хрущев самодовольно улыбнулся. Улыбаться было нечему: по существу, Гомулка, сам того не подозревая, произнес убийственный приговор всей коммунистической системе, всему «животворному учению». «Не будь диктатуры КПСС, не будь советских самолетов, танков и ядерного оружия, — значили его слова в переводе с партийного жаргона на нормальный человеческий язык, — все наши режимы были бы сметены восставшими народами, как карточные домики, — как это случилось в Венгрии в пятьдесят шестом году».

За кулисами VI съезда развернулась лихорадочная деятельность по «обработке» делегаций отдельных компартий Азии, Африки и Латинской Америки.

Делегация КПСС действует в этом направлении под руководством Ильичева. Ей рьяно помогают польские и венгерские коммунисты. Главный аргумент КПСС — обещание финансовой поддержки.

«Китайские товарищи» проповедуют перманентную революцию и призывают к соответствующей тактике. Денег они не обещают, но зато обещают присылать агитаторов и военных инструкторов для ведения партизанской войны. Им помогают коммунисты Северной Кореи, Индонезии и Японии. Северовьетнамские коммунисты пребывают в нерешительности.

К словам и призывам «китайских товарищей» прислушиваются коммунисты из Латинской Америки, хотя и не принимают на себя никаких определенных обязательств.

Такова картина, которую составили себе «буржуазные» корреспонденты, которых — и это весьма примечательно — обе стороны пускают к себе «с черного хода» для дачи информации.

Из внешнеполитических аспектов речи Хрущева заслуживают внимания кубинский кризис и берлинский вопрос.

Говоря о Кубе, Хрущев, разумеется, представил отступление руководства КПСС как «победу», что, впрочем, не ново. Примечательно лишь то, что этой «победе» Хрущев в своей речи уделил непропорционально много места, если учесть, что повторялась всем хорошо знакомая, давно заипранная пластинка. Очевидно, сомнения в «победе» все-таки живы даже в среде таких компартий, которые одобряют отступление.

Много и пространно говорил Хрущев и о Берлинском вопросе, но все им сказан-

ное свелось к призыву к терпению и смирительности. Упрям заключить сепаратный договор с «ГДР» и выбросить западные державы из Берлина как не бывало! Разумеется, и это отступление, почему и понадобился словесный поток.

VI съезд не принес чаемого восстановления хотя бы показного единства в коммунистическом лагере. Отцепившей, чем когда-либо, на нем выявилась неспособность руководства КПСС быть неоспоримым авторитетом. Не произошло на нем, однако, и формального разрыва между двумя главными враждующими силами: КПСС и КПК. С этой точки зрения все как будто остается по-старому. Но рассуждать так значило бы рассуждать по-верхностно. Как мы уже отметили, конфликт КПСС-КПК сопровождается общим организационно-политическим распадом всего коммунистического движения. Разногласия не утихают, а наоборот, все громче дает о себе знать, и эту разногласию не заглушат никакие парадные речи.

Единственное, что и Хрущев и другие коммунистические руководители могут записать себе в графу приходов, это полную идейно-политическую пассивность свободного мира.

Поэтому Хрущев был прав, когда говорил, что потерпели «полный провал» и политика «отбрасывания коммунизма», и политика «освобождения восточноевро-

пейских стран». А незадолго до начала VI съезда СЕПГ президент США Кеннеди в своем подписанном послании к нации прямо указал, что внешнеполитической целью США является мирное сосуществование разных систем и идеологий; о какой-либо идейно-политической борьбе за дело свободы в послании президента США не было и речи. Хрущев по-своему ответил на надежды Запада достичь какого-то политического равновесия: «Не только мы говорим, что соотношение сил в мире изменилось в пользу социализма — заявил он с трибуны VI съезда СЕПГ. — По сути дела признают это и наши враги, когда они говорят о «равновесии страха»... Нельзя не обратить внимания на такие выводы врагов. Эти выводы есть не что иное, как признание правящими кругами империалистических держав роста могущества мировой системы социализма. Их разговоры о «равновесии» — это уже не тезис об «отбрасывании коммунизма» и прочее. Мы не только заявляем, но и хорошо знаем, что силы социализма и мира могущественней сил империализма».

Конечно, Хрущев явно преувеличивает «силы социализма». Но показательно другое. Показательно, где он ищет возможности отыграться за неудачи: и свои и всего международного коммунизма в целом.

А. Н.

Две революции ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА И КУБА

Когда в ясный солнечный день летишь самолетом над бирюзовой Карибского моря, то невольно кажется, что перед взглядом развернулась опрощенная карта небесных светил. Выше, в беспредельной лазуревой оправе, всплывают вдруг два причудливых изумруда. Своими необычно динамичными очертаниями они создают впечатление, будто смотришь на какие-то неведомые знаки Зодиака. Изумруд побольше имеет форму вытянувшейся в прыжке кобры. Хвост еще в кольцах, но основная часть туловища изогнулась в напряженную дугу. За кобры медленнее движется рак — он вытянул свои клешни и тянется к кобре.

Кобра — это Куба. Рак — древняя Испаньола, известная теперь под названием острова Гаити.

На острове Гаити расположены две маленькие республики. На обеих клешнях и в четверти туловища рака разместились неприятная республика Гаити. Она представляет собой некий уникум в этой части Западного полушария. И потому, что население ее почти поголовно негры, и, главным образом, потому, что, несмотря на окружающий ее со всех сторон испанский мир, язык ее и культура французские.

Вся остальная часть острова занята Доминиканской республикой. Доминиканцы и кубинцы — братья, и по крови, и по языку, и по религии, и по традициям. Куба и Доминиканская республика — самые «старые» страны Западного полушария, если не считать исчезнувшей во тьме веков империи инков и майя.

5-го декабря 1492 года Христофор Колумб впервые выступил на берег острова, который полюбили ему больше всех других открытых им земель. Очарованный его красотой, Колумб назвал его «ля Испаньола» в честь той страны, во славу которой он совершил свой подвиг.

*

В 1697 году, после тридцатилетней войны между Испанией и Францией, та часть острова, которую сейчас занимает республика Гаити, перешла в руки Франции.

В 1804 году рабы-негры восстали против своих хозяев-французов и провозгласили свою независимость от Франции. Гаитяне овладели всем островом, поработив своих соседей, нынешних доминиканцев. Началась длительная, кровавая и ожесточенная борьба доминиканцев за свободу.

Эта революционная борьба велась под знаком «Троицы» — «Ля Тринитария». Символ Троицы был выражен в идее, лозунге и самой организации. Идея выражалась в неделимости этой христианской страны по подобию Святой Троицы. Принцип триединства выражался также и лозунгом: «Бог, Родина, Свобода». Этот же принцип был заложен в

основу революционной организации — она состояла из отдельных друг с другом, но идейно связанных троек — что и обеспечило движению и победу над врагом. Не имея возможности эффективно бороться с организацией, в которой нельзя было ухватить ни конца, ни начала постепенно растущей цепи не связанных друг с другом звеньев-троек, гаитяне не смогли остановить революционного процесса, который 27-го февраля 1844 года закончился народным взрывом, ознаменовавшим конец тирании гаитян и рождением свободной Доминиканской республики.

Как и все латиноамериканские страны, Доминиканская республика пережила свои кризисы и взлеты. Но в 1930 году эта маленькая героическая страна путем обмана подпала под власть жестокайшего диктатора.

Рафаэль Трухильо во многом напоминает Сталина. Он не останавливался ни перед чем, чтоб удержать в руках власть. Он создал грандиозный аппарат полиции, сыска и доносов, который не уступал в свирепости нашему НКВД. Он завел террор в лучших традициях ЧК. Он, как и Сталин с его тогдашними подручными, теперешними нашими вождями — Хрущевым и Микояном, совершал массовое истребление крестьян и всех, кого подозревал в возможной оппозиции. Он называл себя тоже генералиссимусом и «отцом народа» — его благодетелем, «Эль-Бенефактором». Режим Трухильо настолько нам знаком, что списывать его нет нужды. В нашем лексиконе имя ему — сталинщина.

Судьбы Доминиканской республики и соседней с ней Кубы — необычайно похожи друг на друга. Куба, несколько позже, подпала под ярмо диктатора Батисты. Как на Кубе, так и в Доминиканской республике народ не мог примириться с диктатурой. 1 января 1959 года бежал с Кубы Батиста. 30 мая 1961 года — пал сраженный пулями диктатор Трухильо.

Но этим и кончается параллель между этими двумя народами-близнецами. Начинается разительный контраст.

Что случилось с Кубой, достаточно хорошо известно. «Осчастливленный кубинский народ» загнан «в энтузиазм строительства коммунизма». Глубокого соплатона плутократа Батисту сменил веролом-

ный садист коммунист Кастро. От этого стало никак не легче. Стало еще много хуже. От обещаний, столь щедро данных Кастро обманутому народу, не осталось и следа. Где свобода слова? Где свобода совести? Где свобода печати? Где «земля — крестьянам»? Где свободные и тайные выборы? Вместо всего этого — тюрьмы, полчища милиции да наши русские штыки, услужливо представленные диктатору Кастро диктатором Хрущевым.

Этими штыками надеются коммунистические сатрапы ограбить мерзкий режим Кастро от пнева обманутого народа Кубы.

Ну, а что же произошло в Доминиканской республике? После убийства тирана его родня и прихвостни пытались как-то удержать власть в руках, но были выброшены суровой метлой революции.

Характерно, что в то время, когда Кастро — как Нерон — упивался кровью, сотнями расстреливал публично своих противников, революционное правительство в Санто Доминго не вынесло ни одного смертного приговора. В этом и есть вся та разительная разница между революцией за свободу и коммунистическим путем порабощения, который с такой наглостью коммунисты смеют называть революцией.

Государственный Совет, состоящий из 7-ми видных революционных борцов, принял на себя роль временного правительства. Прежде всего был уничтожен аппарат насилия бывшего диктатора. Восстановлены основные свободы, создан суд присяжных и приступлено к разработке и осуществлению важнейших реформ. Первой мерой правительства стала забота о бедных и обездоленных.

Но основной задачей Государственного Совета — этих 7 честных, преданных народу революционных борцов — стала подготовка свободных выборов. В назначенный срок, 20 декабря 1962 года, народ Доминиканской республики пошел к урнам. Пошел смело, с флагами, с символами тех партий, за которые каждый гражданин мог по своему усмотрению голосовать. Ни один из членов Совета не выдвинул своей кандидатуры ни на пост президента, ни в Сенат или Нижнюю палату. Они взяли на себя обязательства обеспечить свободу выборов и, как их организаторы, не считали себя вправе выдвигать свои собственные кандидатуры.

Выборы протекали под надзором специально приглашенной Государственным Советом комиссии, состоящей из представителей всех независимых стран Южной Америки. Всех — за исключением одной — Кубы, находящейся сейчас под диктатурой коммунистов.

Доминиканский народ блестяще выдержал свой второй экзамен в ответственной демократии. Новым президентом — большинством 60% голосов — был избран Хуан Бош, лидер демократической революционной партии, известный писатель и публицист. Бош, личный друг венесуэльского президента Бетанкура, известен своими либеральными взглядами и непримиримостью к коммунизму. Первым пунктом в его программе является раздел земли и передача ее во владение крестьянам. 27 февраля 1963 года новое правительство принимает бразды власти. С ним вместе открывает свою сессию и новый свободно выбранный двухпалатный парламент.

Доминиканская республика и Куба олицетворяют собой два противоположных полюса. Свет и тьму. Свободу и рабство. Народное правство и коммунизм.

Но если доминиканский народ сумел найти в себе силы сбросить диктатуру и твердо встать на путь права и свободы, то неужели же этого мужества и этой силы не найдет в себе и кубинский народ? Конечно найдет, как найдет их и один из самых великих, самых талантливых, самых человеческих народов — народ России.

К. БОЛДЫРЕВ

РАДИОПЕРЕДАЧИ НТС

В Еропейской России: 12-17 и 18-23 час. моск. вр. на волнах 26 и 46,9 м (11,55 и 6,40 мГц); в 01.30-01.45 и 16.30-16.45 час. моск. вр. на волне 31,12 м (9,64 мГц). В Азиатской России: 01.10-01.30 час. хабаровск. вр. (соответствует 18.10-18.30 моск. вр.) на волнах 13, 19, 25, 31, 41 м; 08.30-08.45 час. и 23.30-23.45 час на 31,12 м (9,64 мГц). Уходя от глушения, радиостанция несколько меняет длину волны.

Пишите нам по адресу: Postbus 902, Rotterdam, Nederlande.

ДЕНЬ СВОБОДЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ КИТАЕ

23 января уже в девятый раз отмечается в Национальном Китае, как «День свободы».

23 января 1954 года взятые в плен войсками Организации Объединенных Наций китайские и корейские солдаты получили свободу. 22000 корейских и китайских военнопленных, несмотря на всю коммунистическую агитацию, отказались тогда вернуться в Северную Корею и коммунистический Китай. Корейцы остались в Южной Корее, а китайцы были отправлены на остров Тайвань, на территорию Национального Китая.

22000 человек, отказавшиеся вернуться на родину, продемонстрировали тогда свое отношение к коммунизму.

Мы верим, что это отношение характерно и для китайского и для корейского народа. Мы не отождествляем эти народы с их коммунистическими порабо-

тителями. Мы твердо знаем, что корейцы и китайцы, как и наш народ, в своем подавляющем большинстве враги партии и партийной диктатуры. Мы знаем, что китайцы и корейцы, как и наш народ, верят в свободу, ждут свободы, борются за свободу.

И сейчас, в дни конфликта между КПСС, с одной стороны, и китайскими и корейскими коммунистами, с другой, в дни, когда, по мнению многих, хрущевский коммунизм лучше, а Мао Цзэ-дуновский хуже, мы пользуемся случаем подчеркнуть, что ни китайский, ни корейский народы ни в какой мере не ответственны за политику их коммунистических правителей. И если сойдутся партии, это вовсе не значит, что сойдутся народы. И если КПК становится все больше не по пути с КПСС, то борцам за свободу и в России, и в Китае, и в Корее становится все больше и больше по пути.

Отовсюду

▲ Из Вашингтона сообщают, что Хрущев согласился на установку на территории СССР трех автоматических сейсмографических точек (так называемых «черных ящиков»). Для установки этих точек, «если окажется необходимым», будут привлечены иностранные специалисты. США добиваются установки на территории СССР от восьми до десяти «черных ящиков».

▲ 22 января в Париже в торжественной обстановке канцлер ФРГ Аденауэр и президент Франции де Голль подписали договор о немецко-французском сотрудничестве. Западная печать сообщает, что подписание этого договора является событием исторической важности, так как им устанавливаются новые взаимоотношения между Францией и Германией. Целью этих стран, говорится в договоре, является создание объединенной Европы.

▲ В ночь с воскресенья на понедельник 21 января в правительственном квартале Восточного Берлина — Панков-Шенхаузен, где в то время находились Ульбрихт и прибывший на VI съезд СЕПГ Хрущев, раздался взрыв большой силы, который был слышен на расстоянии трех километров в Западном Берлине. Подробности пока не известны.

▲ Военские части конголезского правительства вошли в главный город Катанги Елизабетвиль. В Елизабетвиле прибыло также 300 конголезских чиновников для принятия в свои руки управления страной.

▲ Войска ООН вступили в промышленный центр Катанги — город Колвези. С занятием Колвези оккупация войсками ООН Катанги практически завершилась.

▲ Министр внутренних дел Бельгии Спаак на запрос в парламенте сообщил, что представители ООН в Катанге занимались фальсификацией документов. Так, например, в октябре истекшего года ими был сфабрикован поддельный список «бельгийских наемников» Чомбе. Бельгийское правительство отказалось от возбуждения дела против ООН после того, как получило заверение, что указанный список «будет исправлен».

▲ Обербургомистр Западного Берлина Вилли Брандт был вынужден отказаться от уже назначенной встречи с Хрущевым в Восточном Берлине. От имени западноберлинского союза христианских демократов бургомистр Амрен заявил, что его партия выйдет из сенатской коалиции, если Брандт осуществит свое намерение.

▲ Бывший министр обороны ГФР Штраус выбран председателем парламентской фракции христианско-социального союза Баварии в бундестаге, которая вместе с христианско-демократическим союзом Германии составляет правительство в ГФР.

▲ В возрасте 56 лет скончался лидер британских лейбористов Хью Гейтскелл.

▲ Правительство Мадагаскара официально сообщило о том, что в бухте Итамполо 1 и 2 января находилось 15 советских судов, среди которых одно водоизмещением в 15000, а другое в 9000 тонн. Советские суда вошли в бухту самовольно и во время пребывания в мадагаскарских водах не несли флага.

▲ Группа, свергнувшая президента Того Оливию, возвела в должность нового президента Грунидого. Грунидский распустил парламент и преобразовал правительство Того.

▲ Намереваясь повредить венесуэло-французским отношениям, группа венесуэльских коммунистов похитила из музея искусств в Каракасе несколько картин, в том числе произведения из коллекций Лувра, предоставленные на время Францией. Полиция, после перестрелки с похитителями, овладела картинами и вернула их музею.

▲ Ухудшились отношения между Алжиром и Тунисом. Правительство Алжира отозвало из Туниса главу своей дипломатической миссии.

▲ В Хельсинки объявили забастовку водители и кондукторы всех видов городского транспорта. Они требуют повышения заработной платы.

▲ По приглашению президента Кеннеди в марте в США прибудет с государственным визитом король Марокко Хасан Второй.

▲ Генеральный секретарь НАТО Стиккер посетил Италию и вел там переговоры с министром обороны Андреотти. После Италии Стиккер посетит Англию.

▲ 18 января в Камбоджу с официальным визитом прибыл президент Чехословакии А. Новотный.

▲ Из Нью-Дели сообщают, что коммунистический Китай подтягивает войска в районы, граничащие с расположенным в северо-восточной Индии Сиккимом.

▲ В возрасте 43 лет скончался заместитель председателя свободно-демократической партии ГФР Вольфганг Дёринг.

ПОПРАВКА

В прошлом номере «Посева» на 11-й странице в первом абзаце 4-й колонки (статья «Еще одна причина конфликта КПК - КПСС») пропущена часть фразы. Этот абзац следует читать: «Помимо военной помощи во время корейской войны, Советский Союз, однако, оказывал коммунистическому Китаю также экономическую помощь и предоставил ему долгосрочные кредиты на общую сумму в 5 млрд. долларов. Таким образом в общем Китаю предстоит выплатить Советскому Союзу в течение 40 лет более 20 млрд. долларов, что является для него абсолютно непосильным бременем».

СКАЗАНИЕ О СИНЕЙ МУХЕ

Из предисловия редакции «Граней»:

«...Это философская сатира на постсталинское общество...».

«Талантливость автора ставит «Сказание...» в ряд лучших произведений современной отечественной литературы...».

«Негодование и отчаяние, потрясающий откровенностью самоанализ героя превращают это произведение в человеческий документ, редкий даже для нашего времени...».

«...Пастернак, Есенин-Вольпин, Наридца... в этот ряд стал еще один человек. Его имя, рано или поздно, станет известно...»

В произведении 81 страница.

«ФЕНИКС»

Журнал московской молодежи, № 1

Содержание журнала: стихи и проза молодых, открытое письмо Евгению Евтушенко, заметки о современной поэзии, аннотация на «Коктейль» (подпольный поэтический сборник), а также перевод стихотворения Стефана Цвейга, стихотворение Б. Пастернака и отрывки из автобиографии Б. Пастернака. 100 страниц.

Этот подпольный журнал, ходивший по рукам в России, полностью перепечатан в журнале «Грани» № 52, недавно вышедшем из печати.

Цена 6 н. м. Заказы направлять в представительства издательства в различных странах или непосредственно в издательство «Посев»:

Possev-Verlag, 623 Frankfurt/Main - Sossenheim, Flurscheideweg 5

... Я хочу, чтобы сперва увидели свет некоторые мои работы последнего времени... Когда они будут закончены и публикация их обеспечена, я спокойно сяду в тюрьму, если это затоят, зная, что им не удалось меня победить.

А. С. ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН

Весенний лист

В книге напечатаны стихотворения и «Свободный философский трактат», переданные автором для напечатания за границей.

На встрече «руководителей партии и правительства с художественной интеллигенцией» в декабре прошлого года секретарь ЦК КПСС Л. Ильичев объектом для своей ругани избрал поэта и ученого-математика А. Есенина-Вольпина и его книгу «Весенний лист».

Книга выпущена изд-вом «Прегер» в Нью-Йорке в хорошем льняном переплете с суперобложкой и имеет два текста: русский и английский.

Цена 12 нем. марок.

Заказывайте в книжном магазине издательства «Посев»:

Possev-Verlag, 623 Frankfurt/M. - Sossenheim, Flurscheideweg 5.

БОЛЬНЫМ СЛАБЫМ НЕВНЫМ

Мы живем уже много лет в обстановке крайнего нервного напряжения. Неврастения, малокровие, головные и др. боли, упадок сил, апатия, бессонница, нервные запоры — вот чем страдает едва ли не каждый из нас. В результате расстройство нервной системы влечет и более тяжкие последствия, а именно: ослабление активности жизненных желез и нарушение функций всех органов, что и является основной причиной всех болезней, преждевременной старости и часто ранней смерти. Научно установлено, что известное лекарство KALEFLUID восстанавливает равновесие, верны и силы и организм, будучи возроденным, снова начинает пользоваться всеми радостями здоровой жизни. Профессор Афинского Университета д-р Керис пишет: «Я признаю KALEFLUID могущественным лечебным средством, чрезвычайно укрепляющим и восстанавливающим силы и нервную систему». KALEFLUID награжден на выставках в Париже, Лондоне, Риме, Брюсселе и Флоренции 5 золотыми медалями. Брошюра на всех главных языках мира высылается бесплатно. KALEFLUID продается в аптеках. Где нет, пишите немедленно:

Laboratoire K. "KALEFLUID", 66, Bd. Exelmans Paris (16-e) France

В Канаде: Pharmacie Brunelle 5757, Bd. Monk Montreal
В Бразилии: W. Nerleowski Caixa Postal M7, Anapolis Est. Colas.
Заказы из США и других стран направляйте нам во Францию.

Русский инженер, 38 лет, хотел бы начать переписку с русской интеллигентной девушкой или дамой от 22 до 34 лет с целью брака. Просьба писать: Алексей фон Трой (Mr. A. von Troy, P.O. Box 22,014, San Francisco 22, Calif. (U.S.A.)), приложив свою фотокарточку.

Интел, русская, 59 лет, ищет в спутники жизни русского или украинца, интел, хорошего человека, порядочного, непьющего. Писать в «Посев» для Клавдии Петровны.